

Ученость как фактор формирования интеллектуального меньшинства и основа элитаризации в литературно-историческом дискурсе Беларуси

Важнейшими составляющими интеллектуального пространства на землях современной Беларуси были школа, учеба, стремление к знаниям. Уважение к людям интеллектуального труда – учителям, ученым и литераторам – свойственно белорусам с давних времен, что отражено уже в средневековых памятниках литературы: анонимном «Житии Евфросинии Полоцкой», «Слове... еже не забывати учителей своих» Кирилла Туровского. С древнейших времен на землях Беларуси (с конца 13 в. они стали территориальным ядром Великого Княжества Литовского) сформировалась высокая этическая парадигма, связанная с процессом приобретения знаний. Этот процесс активизировался во времена короля Ягайло (конец 14 – начало 15 в.) и достиг своего *акт* в эпоху Ренессанса (16 ст.). Школьное либо домашнее (частное) обучение предполагало в первую очередь филологические занятия. Дети белорусских магнатов (Радзивиллов, Олельковичей, Ходкевичей, Сапег) до 1570 г. получали начальное образование преимущественно у частных учителей, приехавших из-за рубежа; многие из них были высокообразованными гуманистами. В этом смысле достойный внимания пример – педагогическая и литературная деятельность немца Иоганна Мюлиуса из Либенроде.

Что же касается светского классического образования, ориентированного на *artes liberales*, то возможность его получения была связана исключительно с католической культурной традицией. Франциск Скорина предпринял попытку объединить восточную (православную) и западную (католическую) аксиоматику в отношении к науке и образованию: в предисловии “Во всю Библию русского языка” он обосновывает возможность изучения *artes liberales* по книгам Библии. Для православной традиции, связанной с церковнославянским языком и критично относившейся к “Аристотелевой мудрости”, это была парадоксальная идея. Практически традиция Скорины не нашла продолжения в белорусском культурном пространстве, относящемся к *Slavia Orthodoxa*. Апология образования и просвещения – ключевой момент в католической системе ценностей. Вербальным средством передачи этого культурного капитала были латинский и польский языки. Латиноязычная поэзия (в первую очередь эпическая) культивировалась при дворах магнатов и шляхты Великого Княжества Литовского. Важным социально-интеграционным фактором при этом служила легенда о римском патриции Полемоне; она стала основой для понимания *Latinitas* как важнейшего критерия элитарности в белорусском культурном пространстве, относящемся к *Slavia Catholica*.

„Демаркационная линия гуманистического феномена” (С. Грачотти), определившая два культурных вектора на землях Беларуси в 16 в., позже, в 17 в. стала причиной раздвоения общества в сфере религиозной и культурной. Это раздвоение препятствовало формированию единой национальной идеи, которая в эпоху Барокко уже начала оформляться в культурах соседних (польского, русского, украинского) народов. Попытки крупнейших деятелей культуры этого периода (в первую очередь Мелетия Смотрицкого) найти пути единения русинов по крови, независимо от конфессиональной принадлежности, были обречены на провал. Православие, а вместе с ним и церковнославянский язык начали считаться признаком некультурности, “подлости”. В то же время открытие и активная деятельность Виленской иезуитской академии наглядно продемонстрировали жизнеспособность именно западной образовательной модели, ее универсальную способность маркировать человека в его принадлежности к элите. Показательно, что весьма скоро и сам Мелетий Смотрицкий, отступившись от православия, начал четко отделять себя от «хлопской» культуры, «хлопской» веры: “высокая культура у него отождествляется с культурой католического Запада, польской культурой” (В. Короткий).

Обозначенная культурная ситуация оставалась актуальной до середины 19 в. Основы образованности Адама Мицкевича, Яна Чечета, Владислава Сырокомли, Яна Барщевского были заложены католической школой. Латынь и латинская культура практически до конца 19 в. оставались значимыми нарративными символами, что нашло отражение и в творчестве выше названных авторов. Приобретенный в школе и в университете культурный капитал оценивался как наивысшая ценность, как аргумент в пользу принадлежности к элите общества (баллада “Niepiśmienny”, поэма „Urodzony Jan Dębogóg” Владислава Сырокомли). Эта традиция нашла отражение даже в юридической сфере: в Великом Княжестве Литовском и Польской Короне как минимум с 16 века, согласно Мартину Кромеру, аристократ лишался права *vitae et necis* в отношении своих подданных, решивших посвятить себя науке или духовной карьере. Фактически, образование и ученость стали в 19 в. более важным критерием принадлежности к элите общества, чем наличие родового герба и земельной собственности.

Именно с традициями католической (в первую очередь иезуитской) школы связаны, на наш взгляд, и первые опыты стихосложения на белорусском языке. В поэтических сборниках, публиковавшихся в типографии Виленской иезуитской академии, авторы – учащиеся и преподаватели – часто и охотно демонстрировали свою языковую компетенцию, а именно знание не только латинского и древнегреческого языков, но также новых языков, в том числе, например, литовского. Вероятно, именно по инициативе ксендзов-учителей (или, во всяком случае, без запретов с их стороны) белорусские школяры и дидакалы, начиная с конца 16 в., упражнялись в искусстве версификации на разных языках, в том числе и на (старо)белорусском. В качестве подобных экспериментов следует рассматривать и белорусскоязычные стихи Яна Чечета периода учебы в Виленском университете, сочинявшиеся им для украшения филоматских торжеств.

С конца 19 в. именно язык – только теперь не латинский и не польский, а белорусский – становится средством элитаризации. Франтишек Богушевич в предисловии к “Дудке белорусской” (1891) уверенно утверждает: “беларуская мова” – не “мужыцкая”, а “такая ж людская і панская, як і французская, альбо нямецкая, альбо і іншая якая”. Классики белорусской литературы Янка Купала и Якуб Колас, создавшие свои первые произведения, соответственно, на польском и русском языках, впоследствии полностью перешли на белорусский язык, стремясь занять соответствующую позицию в национальной литературе. Изложенные выше аргументы позволяют утверждать, что причина сегодняшнего проблемного положения белорусского языка в Беларуси – не в его предшествующем (и, как оказывается, мифическом) статусе как “мужыцкай мовы”, а именно в его элитарности: литературный (!) белорусский язык никогда не был языком демократических слоёв белорусского общества, в первую очередь крестьянства. Исключением были разве что краткие периоды двух белоруссизаций: начала 20-х и начала 90-х гг. 20 в. До середины прошлого века в деревнях Беларуси звучали преимущественно региональные диалекты, в послевоенный период начала стремительно распространяться “трасянка”. На сегодняшний день всеми своими интенциями к дальнейшему развитию белорусский язык обязан исключительно белорусской интеллигенции; он по-прежнему является самым ярким маркёром принадлежности к национальной интеллектуальной элите. Это обстоятельство не в последнюю очередь объясняет причину существования в Беларуси двух союзов писателей, а также причину использования в литературном и научном дискурсе нескольких разновидностей литературного белорусского языка (как минимум *наркамаўкі* и *тарашкевіцы*). Вместе с тем, модус учености, приобщенность к классической (прежде всего античной) традиции достаточно ярко представлен в современной белорусской (элитарной либо с претензией на элитарность) литературе. Именно этот модус становится основой для новаторских поисков многих белорусских литераторов в 21 веке.